

Министерство Республики Карелия по вопросам национальной
политики и связям с религиозными объединениями
Петрозаводская и Карельская епархия РПЦ
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
Петрозаводский государственный университет

ПРАВОСЛАВИЕ В КАРЕЛИИ

*Материалы III региональной научной
конференции, посвященной 780-летию крещения
карелов (16–17 октября 2007 года,
г. Петрозаводск)*

К 1390860

Петрозаводск
2008

активно действуют различные секты, их миссионеры из соседней Финляндии. Медвежьегорский район занимает первое место в Карелии по числу населенных пунктов (по данным переписи населения 2002 года – 140), а в шести поселениях нет ни одного православного прихода. Надо активизироваться православным в Пиндушском (5,7 тыс. чел.), Паданском (2,2 тыс. чел.), Челмужском (1,8 тыс. чел.) и заонежских поселениях. Нужны православные приходы в Ляскельском (3,8 тыс. чел.) и соседних поселениях Питкярантского района. Нет приходов Русской Православной Церкви в 6 из 8 поселений Муезерского района, в том числе и в районном центре (3,9 тыс. чел.), Суккозерском (2,1 тыс. чел.) и Лендерском (2,0 тыс. чел.) поселениях. В Суоярвском районе без постоянного окормления существует такое многолюдное поселение, как Найстенъярвское (3,6 тыс. чел.), а один из приходов находится в маленьком поселке Суйстамо, до которого от центра Лоймольского поселения – 44 км пути. Сравнительно лучше ситуация в Кондопожском, Олонецком, Лахденпохском и Беломорском районах, хотя такие поселения, как Мийнольское (2,0 тыс. чел.), а тем более Сосновецкое (3,5 тыс. чел.) вполне могли бы иметь свои приходы. Далеко добираться до храмов из мест, где приходов нет, в Калевальском и Лоухском районах. Самым крупным поселением без своего прихода в Пряжинском районе остается пока Чалнинское (3,2 тыс. чел.). Несмотря на самые лучшие в Карелии усредненные показатели обеспеченности приходами, Прионежский и Пудожский районы имеют свои проблемные места. Вполне могли бы создать свои приходы такие крупные поселения, как Деревянское (1,9 тыс. чел.), Кубовское (2,3 тыс. чел.) и Пяльмское (3,1 тыс. чел.). В целом пока примерно половина поселений Карелии не имеет своих православных приходов. Как и в прошлом, в наше время больше всего православных приходов Карелии зарегистрировано при Никольских храмах.

Е. И. Маркова

«КУПИНА» В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА: ОБРАЗ И ПОНЯТИЕ

В творчестве Николая Клюева слово «купина» появляется где-то в 1916 г. и сопутствует ему вплоть до 1936 г., означая и образ библейского куста, горящего, но несгораемого, и икону Божией Матери «Неопалимая Купина», и собственно клюевский образ, восходящий по значению и функции к названным сакральным образам. Но в отличие от названных у него более широкая сфера приложения и большее число дополнительных

значений. В своей публицистической и эпистолярной прозе Клюев оперирует понятием «купина». Выявлению сути образа и понятия «купина» в творчестве великого национального поэта и посвящена эта статья. Чтобы проследить и функционирование сакральных образов, и формирование собственно клюевского образа и понятия, рассмотрим их в хронологическом порядке.

Поскольку миссия поэта для Николая Клюева означала миссию пророка, то соответственно его духовная родословная восходила к ветхозаветным пророкам, апостолам Христа и самому Святому Семейству. Как поэт-пророк, он указывает путь крестьянской Руси. Но видит ли народ в нем этого пророка? Слышит ли его Слово? Этот вопрос он задавал не раз. Звучит он и в стихотворении «Есть каменные небеса» (1916—1919), где впервые появляется образ купины. В качестве доказательства, что поэт является Божиим избранником, автор стихотворения рассказывает о его путешествии на Арабат и Синай. Традиционно библейские образы переплетаются у Клюева с фольклорными. Так и этот текст хранит память о финальном этапе обряда инициации — путешествии сказочного героя на гору: «Сова в бычачьем пузыре Туда поэта переносит...»¹ Сверхившаяся инициация означает обогащение исторической памяти, способствующей отождествлению образов поэта, Ноя и Моисея. Из родословия ветхозаветного пророка Клюев отобрал три факта: познание Моисеем благодаря Господу, явившуюся ему в виде куста терновника (купины) своей миссии спасителя сынов Израилевых; избавление своего народа от преследователей-египтян, принятие от Господа законов церковного и гражданского благоустройства на горе Синай.

В клюевском тексте событийная канва представлена в обратном порядке. Сначала появляется своеобразный памятник Закону: «Гранитно-главый... король На плитняке законы пишет» (322).

Далее в тексте сливаются образы современного поэта и Моисея. Казалось, вопрос «И кто уверится... что... посох мой Сразил египетские рати?» (322) напоминает о жезле, разделившем по велению Божию море так, чтобы израильтяне прошли по нему, как по суше. Но следующие две строфы, представляющие инвективу в адрес новоявленных «Иуд», говорят о тождестве поэта и Моисея. Поэт — «Пророк, венчанный купиною...» (322). В клюевском образе купины слились явление Господа Моисею в виде купины и терновый венец Христа. Поэт для своего народа и пророк, и искупительная жертва. Это образ гонимого поэта, которому «отчий край» не только не бьет «хвалебные литавры», но дает

¹ *Клюев Н.* Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб., 1999. С. 322. Далее цитирую по этому изданию, указывая в тексте в скобках номер страницы.

ключку «Хитрец и двоедушный плут» (322). В отличие от библейского пророка, ему не надо прикрывать лик покрывалом, отблеск славы Божией на его челе не дано видеть людям, как не дано знать место его успокоения. Образы Моисея и поэта в тексте тождественны, но не слиянны, на что указывает место погребения: у первого оно в долине близ Веффегера (Втор.: 34:6), у второго — на Синае, где и была явлена купина. Видимо, в будущем ему, певцу, дано явиться в виде куста, горящего, но несгораемого.

Но прозревая свою трагическую участь, Клюев тем не менее пребывал в первые годы революции в убеждении, что страна через страдание, через распятие обретет спасение. Этой мечте-идее посвящен его цикл «Спас». В него входит стихотворение «В дни по вознесении Христа» (1916—1917 гг.), в котором появляется эпитет «купинный».

Мы Тебе² лишь алчем вознести
Жар очей, соснов и губ купинных.
В ландышевых горницах пустынных
Хоть кровинку б — цветик обрести (346).

В народной этимологии «купа», «купина», «купинный» означают «соединение», «слияние», «совокупный». Однако клюевское сочетание прилагательного «купинный» с существительным «губы» указывает на дополнительные значения: «красный», «горящий», «обагранный кровью», проецируется на образ библейского терновника (куста и венца). Этот образ накладывается и на эпитет «ландышевый». Дело в том, что «купеной (купиной)» в вятских говорах называют «ландыш» (*Convallaria befolia*)³. Таким образом, в тексте идет речь о стремлении народа к слиянию с Христом через поцелуй губ, красных и горящих, как пламя вечного куста.

В стихотворении «Февраль» (1917) также идет речь о слиянии народа и Христа: «Он — воскрешенный Иисус, Народ родной страны» (301). Его «крестный пот и серый кус» превознесены до сравнения с сакральным образом «Лучистой купины». На его «терновом челе» горит кровь «гвоздинных ран». В клюевском тексте шипы венца, совпадая по функции с орудиями пыток, не утрачивают своего главного предназначения: гореть вечно. Поэтому у Народа-Христа «огнепальное чело» (361).

² В цитируемом тексте написание «тебе» дано с прописной буквы, что, естественно, осложняет трактовку произведения. В «Сочинениях» в 2-х томах Николая Клюева (Мюнхен, 1969) дано написание с заглавной буквы — «Тебе» (Т. II. С. 452).

³ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1989. Т. II. С. 219.

В соответствии с утопическими представлениями своего времени поэт верит, что Народ-Христос спасет не только Россию, но и весь мир, поэтому в оде 1919 года «Мы опояшем шар земной» утверждает:

Уста – мирскую купину
Сольем в горящую волну,
Чтоб ярых песен корабли
К бессмертью правили рули, –
На острове Знамен и Струн
Где брак племен и пир коммун! (419)

Здесь опять-таки с купиной сравнивают губы (уста), опять-таки происходит удвоение искомого образа, потому что, согласно Словарю В. И. Даля, «купа (купина)» означает и «остров чего-либо»⁴.

Но, приветствуя революцию, Клюев довольно быстро увидел несоответствие своего взгляда на путь России с представлением большевиков. В полемическом стихотворении «Не хочу коммуны без лежанки» (1918—1919 гг.) он описывает «видение».

За безмерно зырянской вьюгой
Купина горящего куста.
То моя заветная лежанка,
Караванный аравийский шлях... (412)

Образы библейского куста и печи связывает не только огонь, но и отношение к вечности. В. Я. Пропп писал: «...с появлением очага под ним мыслится похороненный предок. ...Рожденный живой есть вернувшийся к жизни умерший»⁵.

У Клюева не только отдельно взятый герой связан с печью, у него вся Вселенная — «за печуркой, под рябым горшком» (310). Возрождаясь, она должна стать купиной, ветви которой — мировые культуры и религии.

В статье «Самоцветная кровь» (1919) Николай Клюев выступает на защиту национальных святынь. Всегда непримиримый по отношению к официальной Церкви, он солидаризуется с ней, негодуя по поводу осквернения и уничтожения мощей святых в целях атеистической пропаганды. Видя в мощах всего лишь «мясо», «неистовые ревнители» противопоставляют им мощь современной техники. Возражая на это, поэт утверждает, что все изобретения — всего лишь вещи, занявшие «определенное место в предметном мире, но без возможности чуда множественности и

⁴ Там же.

⁵ *Прот В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 225.*

сознательной жизни, без «купины»), как определяя такое состояние, говорят наши хлысты-бельцы»⁶. Как следует из контекста статьи, понятие (концепт) «купина» означает «народ в духовной своей совокупности, постигающий восточку ОТГУДА (благую весть)». Поклонение христианским святыням, служит тем «мостом» (национальной памятью), что связует земной и небесный миры.

Тему посябления святынь Клюев продолжает в стихотворении 1921 г. «В шестнадцать — кудри да посиделки» (1921). Исчезает вековой уклад жизни, но поэт, «Обливаясь кровавым потом», несет свой «стихотворный крест» (480). Он духовно несокрушим, ибо неотделим от судьбы народной «Неопалимой феникс-птицы» (480).

Этот образ указывает на характерный для Клюева синтез языческой и библейской символики, и, возможно, на скрытую цитату из романа Р. Роллана «Жан-Кристоф». В его девятой книге «Неопалимая купина» (1910—1911 гг.) говорится, что социальная борьба принесла герою одни разочарования, но не убила вкуса к жизни, что и отражено в эпитафии к произведению. В нем есть такие слова: «Тверд я и крепок: я — алмаз, Молотом не разбить меня. ...Фениксу-птице подобен я, Той, что и в смерти находит жизнь. Той, что из пепла родится вновь»⁷.

В то же время Клюев убежден, что молот, что воспет Маяковским и ему подобными, может сокрушить природно-крестьянский и христианский мир, погубить «Купину с огнеопальными ликами» («Песни Вытегорской коммуны», 1919, 411). Терновник здесь представлен в образе куста, на ветвях которого не листья, а лики страдальцев за веру и Отечество. Человек может перевоплотиться не только в лист, а во весь куст, причем он может быть и не христианином, а, например, самураем («Убежать в глухие овраги», 1921). Главное — должен пострадать за свои национальные святыни.

Но, разумеется, в центре внимания поэта Русская земля. В стихотворении-поэме «От березовой жилы повытекла Волга» (1921—1922 гг.) он живописует Святую «Рублевскую Русь». По словам В. В. Лепехина, у Клюева «великий иконописец символизирует собой... всю Русь, во всем ее историческом развитии, но не внешнем, государственном, а внутреннем, духовном»⁸.

Сопрягая имя Рублева с именем великих русских подвижников, со знаменитыми русскими иконами, Клюев полагает, что они образовали

⁶ *Клюев Н. А.* Словесное древо. Проза. СПб., 2003. С. 142. Далее цитирую по этому изданию, указывая в тексте в скобках начальные буквы заглавия (СД) и номер страницы.

⁷ Эпитафия из «Ритмической песенки» Баифа, положенной на музыку Жаком Модюи. Перевод С. Парнок. См.: Роллан Р. Жан-Кристоф. М., 1978. Кн. 6—10. С. 383.

⁸ *Лепехин В.* Икона в русской художественной литературе. М., 2002. С. 551—552.

Русскую землю как пространство неиссякаемой любви, которую он соотносит с образом библейского куста: «Про любовь-купину от Печоры до Нила Ткут морянки молву, гаги — гам голубой» (517).

Эта русская «любовь-купина», о которой поведано всему миру, рождена великим страданием, памятник которому — Неопалимое Древо. Этот образ является наиважнейшим в его автобиографическом рассказе (житии) «Гагарья судьбина» (1922). «10 000 заонежских мужиков за истинный крест да красоту молебную сами себя среди Палеострова спалили. И доселе на их костях звон цветет, шумит Неопалимое Древо... Видел я, грешный, пречудное древо и звон огненный слышал...» (СД, 38). Таким образом, «народ-купина» есть единение в любви и страдании.

В том же 1922 г. написана поэма «Мать-Суббота» — клюевское «Евангелие хлеба»⁹. В систему нетленных образов вписана икона «Неопалимая Купина». Как известно, в православной традиции — это одна из Богородичных икон. Ветхозаветный образ обретает женскую ипостась, поскольку «по учению отцев Церкви и по церковнымъ пьснопньямъ, горящая, но негорящая купина въ особенности прообразовала Матерь Божию, Дьву Богородицу, пребывшую нетлнною и по воплощеніи и по рожденіи от нея Сына Божія»¹⁰.

Там (в печи. — Е. М.) образок Купины —
Чаша ржаной глубины,
Тела и крови Руси,
Брат озаренный, вкуси! (646—647).

У Клюева происходит наложение двух Богородичных икон «Неопалимой Купины» и «Неупиваемой Чаши». Возможно, поэт хотел слить в единый образ первостихии в их Божественном преображении. Образы огня и земли нашли отражение в первой иконе, где «два вогнутых четырехгольника — нижний красный (символизирующий Божественный огонь) и верхний зеленый (знаменующий цвет купины) — наложены друг на друга»¹¹. Образ воды-крови дан во второй иконе, на которой поясное изображение Младенца пишется... в евхаристической чаше, стоящей на столике перед Богородицей. Пречистые руки Ее возносят к Богу Своего закланного Сына за спасение всего мира¹².

⁹ Гарнин В. П. Примечания // Сердце Единорога. С. 965.

¹⁰ Библейская энциклопедия / Сост. архимандрит Никифор. Издание Свято-Троице-Сергиевой лавры. 1990. С. 416.

¹¹ Лепяхин В. В. Указ. соч. С. 248—249.

¹² Там же. С. 427.

Иконописные изображения сливаются в поэме с образами хозяйки (Матери-Руси) и ее сына-поэта (Русского Народа), готовых к причастию и благословлению на великий подвиг и великую жертву.

Если по 1922 г. включительно, несмотря на одолевающие его сомнения, поэт не порывал с большевиками, то впоследствии ему с ними было не по пути. Образ купины исчезает из его сочинений и появляется только в 1928 г. в поэме «Погорельщина».

В ней он заявил трижды: в начале поэмы, где повествуется о «сотворении красоты»¹³, в коей участвует весь сельский мир, в том числе иконник Павел, который берет краски для икон у самой природы: «...огонь купинный По косограм прядут рябины» (672). Парадоксальная функция красной рябины — прясть священный огонь — вполне естественна в клюевской системе эпических уподоблений.

Далее в поэме появляется икона «Неопалимая Купина» в кругу других Богородичных образов, приглашенных на крестьянский пир, на котором сельчане говорят о своей беде: «...с иконы ускакал Егорий — На божнице змий да сине море!» (676).

Не понимая, почему стряслось это бедствие, они задают вопрос: «Неопалимая Купина — В чем народная вина?» (676) Но образа Богородицы не внемлют пошатнувшимся в православной вере крестьянам: «Нету Богородицы У пустой застолицы!» (677).

Чем дальше, тем глубже Русь видимая впадает в грех¹⁴. И начинается Исход Руси невидимой, Руси нетленной... «...Церковь-купина Заполыхала до вершины» (683).

Обратив внимание на эти строки, выдающийся русский ученый Н. И. Толстой писал: «Неопалимая Купина символизирует и Богородицу, а в переводе на народный язык и мать-сыру землю... Поэтому «Погорельщина» — не поэма гибели, огненного конца, а поэма огненного очищения и возрождения»¹⁵. Соглашаясь с этим выводом, уточним: в поэме сакральному кусту уподоблен храм — «церковь-купина». Образ, непривычный для Клюева, для которого подлинный храм — сама природа («многопридельный хвойный храм»), истинная церковь — сама крестьянская изба. Часовенки, церквушки долгое время являлись факультативными в его творчестве. Но в эпоху Исхода русских святых все чаще появляются в его произведениях знаменитые русские соборы и неименитые деревенские церкви. Они уподоблены купине и по вере поэта, что в них спасение Руси, и по символике иконы «Неопалимая Купина», где на сердце Богородицы — церковь с проступающим ликом Христа.

¹³ Филитов Б. Погорельщина // Ключев Н. Соч. Т. II. С. 124.

¹⁴ Маркова Е. И. Творчество Николая Клюева в контексте северно-русского словесного искусства. Пестрозаводск, 1997. С. 218–224.

¹⁵ Толстой Н. И. Несколько вступительных слов о символике и языке поэмы // Новый мир. 1987. № 7. С. 80–81.

Образ храма является центральным в поэме-завещании Н. Клюева «Песнь о Великой Матери» (1929—1934). Даже внешне его глава напоминает сакральный куст-дерево, ибо «Цветет в сутемёнки, пылает в зарань» (705). Здесь «люди из мглы, Испив купины, уходили светлы» (706). Пронизанная как физическим, так и метафорическим светом церковь выпрямляет, очищает прихожан от «мглы» грехов, наполняя их души благодатью-купиной.

Знаком купины помечен образ Параши, главной героини поэмы, олицетворяющей Божию Матерь, Мать-Сыру Землю и Матерь Человеческую и ее сына-поэта¹⁶.

Но как и в «Погорельшине», так и в «Песни...» похвала Святой Руси сменяется повествованием о гибели веры, которая влечет за собой Исход русских святых и Успение земной Богородицы. Воссоздавая трагедию страны, Клюев рисует, как покидают ее знаменитые соборы, в их числе и «Кѳжи — Олонецкая купина...» (766).

Кижский остров-купина собрал воедино нетленную красоту крестьянского искусства, воплощенную в дивных соборах и стародавних былинах, слил в одну «Песнь...» заветные гласы русской словесности, подчинив их глобальной идее единства Русской земли.

Клюеву не дано было завершить поэму. В 1934 г. он был арестован, заключен в тюрьму, затем сослан в Нарымский край и в 1937 г. казнен в Томской тюрьме.

В письмах из ссылки он печалится о своем собрании икон, просит В. Н. Горбачеву передать их в достойные руки, например, известному директору Большого театра Н. С. Голованову. Особо он выделяет икону-складень «Неопалимая Купина», о которой трижды пишет в письмах из Томска в 1934, 1935 и 1936 году. Ее же он называет в доверенности, оставленной на имя Зинаиды Павловны Кравченко. Клюев описывает саму икону и историю складня: «Этот складень принадлежал Андрею Денисову — автору книги "Поморские ответы". Писан же он тонким письмом в память самосожжения иже на озере Онего, при царе Алексии» (СД, 343).

«Неопалимая Купина» выделена Клюевым особо, ибо он видит в ней некое олицетворение своей судьбы. «Сплошной красный цвет выражает стихию огня. Этому складню всего бы больше приличествовало быть у меня — связу<я> меня, сгоревшего на своей "Погорельшине", с далекими и близкими отцами и дядичами...» (СД, 344).

Неопалимая Купина у Клюева — это горящий, но несгораемый куст Господень, Неопалимое Древо самосожженцев-староверов и православных новомучеников, которых он искренне почитал, неопалимое пламя его стихов.

¹⁶ Маркова Е. И. «Олонецкая купина» Николая Клюева // XXI век на пути к Клюеву. Материалы Международ. конф. «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики...». Петрозаводск, 2006. С. 10–11, 16.